

УДК 81-114.4

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-3-9-32

Е.С. Ермишина

Российский государственный гуманитарный университет,
125993 г. Москва, Российская Федерация

Директивы в составе цитаты в современном японском языке

В данной работе рассматриваются директивные акты в составе цитаты в современной японской речи. На материале текстов электронных дневников как своеобразном письменном выражении разговорного дискурса была предпринята попытка изучить способы передачи директивных актов в составе цитаты, а также проанализировать, как выбор определенной формы выражения директивных актов в составе цитаты может свидетельствовать о прямом или косвенном характере цитации. Дав предварительную теоретическую картину, мы обратились в основном к прямым (морфологизированным) императивным формам японского языка. Их оказалось достаточно, чтобы показать сложность категории директива в «вежливом» языке жителей Страны восходящего солнца. В любом случае анализ морфологизированных форм с неизбежностью переходил на синтаксически-дискурсивный уровень. Особенность подхода – в анализе нескольких текстов одного автора для определения языковых приемов, характерных для данного автора, что используется в том числе как аргумент в пользу прямого или косвенного цитирования, поскольку для японского языка (как и для ряда иных) характерно довольно сложное, тонкое разграничение прямого и косвенного способов передачи чужой речи. Материал убеждает нас, что только полный анализ как самой цитаты, так и контекста (например, текстов того же автора) позволяет получить более точную картину явления разграничения прямого и косвенного цитирования. Помимо прочего,

© Ермишина Е.С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

выполненная работа имеет теоретическое значение размышления над феноменом цитирования в языке вообще. Ясно, что это явление (особенно в свете современных информационно-полиmodalных, постмодернистических и иных тенденций, в частности тенденций психологизации дискурса) следует понимать более сложно, что доказывают новые работы в этой области, что показывает и наша работа.

Ключевые слова: директивные акты, цитация, прямые и косвенные речевые акты, нарратор, говорящий, японский язык, сложность категории директивности в японском, сложность различения прямого и косвенного цитирования

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ермишина Е.С. Директивы в составе цитаты в современном японском языке // Рема. Rhema. 2023. № 3. С. 9–32.
DOI: 10.31862/2500-2953-2023-3-9-32

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-3-9-32

E. Ermishina

Russian State University for the Humanities,
Moscow, 125993, Russian Federation

Directive acts as part of a quotation in Modern Japanese speech

In this paper, we consider directive acts as part of a quotation in Modern Japanese speech. Using the texts of electronic diaries as a kind of written expression of conversational discourse, we studied the ways of transmitting directive acts as part of a quotation, as well as to analyzed how the choice of a certain form of expression of directive acts as part of a quotation may indicate the direct or indirect nature of the citation. After giving a preliminary theoretical picture, we turn mainly to the direct (morphologized) imperative forms of the Japanese language. These forms are enough to show the complexity of the directive category in the "polite" language of the inhabitants of the Land of the Rising Sun. In any case, the analysis of morphologized forms inevitably moved to the syntactic-discursive level. The peculiarity of the approach is in the analysis of several texts by one author to determine the language techniques characteristic of this author, which is used, among

other things, as an argument in favor of direct or indirect citation, since Japanese (as well as for a number of other languages) is characterized by a rather complex, subtle distinction between direct and indirect ways of transmitting someone else's speech. The material convinces us that only a complete analysis of both the quotation itself and the context (for example, texts by the same author) allows us to get a more accurate picture of the phenomenon of the distinction between direct and indirect citation. Among other things, the conducted research has the theoretical significance in terms of thinking about the phenomenon of quoting in language in general. It is clear that this phenomenon (especially in the light of modern information-polymodal, postmodern and other trends, in particular trends in the psychologization of discourse) should be understood more difficult, as new research in this field proves, and as our paper shows.

Key words: directive acts, citation, direct and indirect speech acts, narrator, speaker, Japanese, complexity of the directive category in Japanese, difficulty distinguishing direct and indirect citation

FOR CITATION: Ermishina E. Directive acts as part of a quotation in Modern Japanese speech. *Rhema*. 2023. No. 3. Pp. 9–32. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-3-9-32

1. Введение

1.1. Задачи

Данная работа посвящена директивным актам в составе цитаты в современной живой японской речи. Наши задачи состоят в том, чтобы на материале текстов электронных дневников:

1) изучить разнообразные способы передачи директивных актов в составе цитаты, характерные для японского языка как для лингвистической системы с более прямыми и менее прямыми средствами выражения директивности (в частности, в зависимости от категории «свой – чужой», от категории вежливости);

2) проанализировать, как выбор определенной формы выражения директивных актов в составе цитаты может свидетельствовать о прямом или косвенном характере цитации, каковы здесь типические варианты, возможно, выявить их типологический «спектр».

1.2. Основные компоненты цитационной конструкции

Сформулируем основные понятия, используемые в данной работе в связи со структурой цитационной конструкции.

Для наглядности проанализируем следующее предложение: *Маша сказала мне: «Пошли домой вместе»*, где *Маша сказала мне* – авторская ремарка, а *«Пошли домой вместе»* – цитата. В данном примере *Маша* – говорящий, т.е. тот, чья фраза транслируется. *Я* (здесь *мне*) – нарратор, т.е. тот, кто транслирует фразу говорящего (здесь – Маши), одновременно являющийся и адресатом Маши. В данном примере нарратор и говорящий – разные люди. Однако так бывает не всегда, и нарратор может быть также говорящим (например, в предложении *Я сказала Маше: «Пойдем домой вместе»*, нарратор и говорящий – одно лицо, выраженное через местоимение *я* в ремарке).

1.3. Материал

Материал для данной работы был взят с платформы www.ameba.jp, содержащей различные блоги (электронные дневники) на бытовые темы. Причина выбора блогов для исследования заключается в том, что данный тип письменного дискурса является спонтанным и неформальным, т.е. близким к устной бытовой речи. Таким образом, разговорные по стилю тексты являются письменными по модусу.

Случайным образом было выбрано 9 блогов, содержащих в себе цитационные конструкции (семь авторов – женщины и два – мужчины). В каждом блоге случайным образом выбиралось три поста, из которых методом сплошной выборки были выделены и задокументированы все цитационные конструкции.

Анализ нескольких постов одного автора позволил изучить речевые особенности автора, в частности, набор стандартных речевых стратегий, которые проявляются как при цитации, так и вне ее, в том числе типичных для данного автора стратегий выбора форм социального дейксиса – форм вежливости, бенефактивов, именовании говорящего, слушающего, третьих лиц и проч.

Всего было задокументировано 324 цитационных конструкций, из которых 80 – те, в которых в составе цитаты выражена побудительность.

1.4. Структура работы

В данной работе основное внимание мы уделим прямым побудительным формам. При этом дальнейшее изложение построено следующим образом. Сначала мы остановимся на истории вопроса и основных средствах выражения побудительности в японском языке, опишем теоретическую базу исследования (разд. 2). Каждая форма, которая выражает побудительность в составе цитаты в нашем массиве

примеров, будет кратко охарактеризована (разд. 3). Сначала будут обсуждены формы «грубого» императива (на *-e/ro/o*, например, *tabero* ‘ешь!’) (разд. 3.1); разд. 3.2 будет посвящен формам императива на *-te*; далее будут охарактеризованы формы императива на *-te* со вспомогательным глаголом *kudasai* (разд. 3.3); разд. 3.4 будет посвящен положительной форме императива с *nasai*; далее мы рассмотрим формы на *-nakucha*, *-nakereba*, *-nakutewa* (разд. 3.5). В заключение будет сделана попытка связать выбор определенной формы выражения побудительности с прямым и косвенным характером цитации (разд. 4).

Всего мы проанализировали 80 цитационных конструкций, где побудительность выражена в составе цитаты. В табл. 1 можно увидеть количество употреблений каждой побудительной конструкции в нашей выборке.

Таблица 1

Побудительные конструкции в выборке [Incentive structures in the sample]

Виды побудительных конструкций в выборке [Types of incentive structures in the sample]	Количество конструкций в выборке [Number of designs in the sample]
«Грубый императив» [“Bare imperative forms”]	17
Императив на <i>-te</i> [Imperative in <i>-te</i>]	16
Императив на <i>-te kudasai</i> [Imperative in <i>-te kudasai</i>]	5
Императив на <i>nasai</i> [Imperative in <i>nasai</i>]	3
Формы на <i>-nakucha</i> [Forms in <i>-nakucha</i>]	9
Конструкции <i>hoo ga ii</i> [Constructions <i>hoo ga ii</i>]	6
Дезидератив <i>hoshii</i> [Desiderative <i>hoshii</i>]	5
Конструкции <i>ba/ra/to ii</i> [Constructions <i>ba/ra/to ii</i>]	15
Конструкции <i>-te ii</i> [Constructions <i>-te ii</i>]	4
Всего [Total]	80

2. История вопроса и основные средства выражения побудительности в японском языке

2.1. История вопроса, теоретическая база исследования

Можно отметить наличие обширной литературы, посвященной побудительности, директивным актам в японском языке, в том числе в составе цитаты. В целом можно выделить три основных подхода к изучению побудительности:

1) подход Ленинградской типологической школы (В.С. Храковский и А.П. Володин [Храковский, Володин, 1986], А.В. Бондарко [Бондарко, 1990а, 1990б], Л.А. Бирюлин [Бирюлин, 1992] и др.);

2) изучение побудительных актов с точки зрения противопоставления прямых и косвенных речевых актов (Дж. Серль [Серль, 1986]);

3) изучение побудительных актов с точки зрения подхода, связанного с рассмотрением модусов *de dicto* и *de re* (Ф. Коулмас [Coulmas, 1985], Д. Осима [Oshima, 2006] и др.).

Подход Ленинградской типологической школы акцентирует морфологический признак, а императив (в том числе и японский императив) рассматривается в рамках категории наклонения. При этом В.С. Храковским и Л.А. Бирюлиным по морфологическому признаку выделяются прямая и непрямая формы/конструкции побудительности. Формы прямой побудительности имеют своей единственной функцией выражение повеления, приказа [Храковский, Володин, 1986, с. 6–10; Бирюлин, Храковский, 1992, с. 15–19] (например, японский императив *tabero* ‘ешь’). Непрямые побудительные формы/конструкции не имеют в качестве первичной функцию побуждения, а по формальным признакам входят в повествовательные высказывания (таков, например, японский дезиратив на *-tai*, *tabetai* ‘хочу есть’) [Бондарко, 1990а, с. 10]. А. Бондарко на материале русского языка разделяет непрямые побудительные конструкции на эксплицитные и имплицитные. Эксплицитные конструкции выражают побудительность через футуральную индикативность, риторический вопрос о возможности выполнения того или иного действия (в японском языке это конструкции с условными формами (*-tara*, *-ba*) в сочетании со средствами выражения желательности, конструкции просьбы с использованием вспомогательных бенефактивных глаголов *-te moraeru*, *-te kureru* и проч.). В имплицитных конструкциях побудительность не входит в пропозициональное содержание и лишь выводится из него слушающим (например, фраза *ocha ga hoshii* ‘хочу чая’ может иметь в некоторых ситуациях побудительное значение, обозначать просьбу) [Бондарко, 1990б, с. 87].

Побудительные конструкции рассматриваются и с позиции противопоставления прямых и косвенных речевых актов, восходящей к работам Дж. Серля. Прямые речевые акты – это такие высказывания, иллокутивная цель которых непосредственно ясна из релевантных этой цели показателей (например, использование императива, чтобы обозначить требование, приказ) [Серль, 1986, с. 195]. В косвенных речевых актах автор в составе речевого акта с одним иллокутивным намерением применяет средства, которые характерны для выражения другого иллокутивного намерения (например, использование риторического вопроса для

выражения насмешки, а не получения ответа на вопрос) [Серль, 1986, с. 195–197; Кобозева, 1986, с. 7–9].

Так, по-японски попросить открыть окно можно несколькими способами. Например:

(1) mado o ake-go
 окно ACC¹ открыть-IMP
 ‘Открой окно’ (здесь «грубая» форма императива используется с целью предъявить требование, т.е. это прямой речевой акт);

(2) mado o ake-te kure-na-I ka
 окно ACC открыть-CNV AUX.BEN-NEG-PRS Q
 ‘Не откроешь ли окно?’ (иллокутивное намерение говорящего – просьба, поэтому это косвенный речевой акт).

Связь типа побудительного речевого акта (совет, приказ, указание) с конкретной формой императива в японских конструкциях с цитацией рассматривается в статье С.В. Чиронова. На материале газетных текстов автор исследует корреляцию между глаголом речи в авторской ремарке (отражающим тип побудительного акта) и формой императива и приходит к выводу, что некоторые формы императивов тяготеют к определенным типам речевых актов: например, форма грубого императива на *-ro* в выборке автора наиболее часто встречается вместе с глаголами требования, приказания [Чиронов, 2014]. Несмотря на то, что систематически описывать распределение форм императива по типам речевых актов мы не будем, все же вслед за данной работой сделаем попытку соотнести некоторые конкретные глагольные лексемы и грамматические формы с типом побуждения.

Кроме того, в своей статье С.В. Чиронов задается вопросом о возможности восстановления оригинальной фразы из цитаты (т.е. фактически о возможности разграничения прямой и косвенной цитаты по форме директивного акта). Он полагает, что восстановить оригинал цитируемой фразы можно далеко не всегда [Там же, с. 201]. Заметим, однако, что цитируемая работа выполнена на материале публицистического

¹ Сокращения, используемые при глоссировании: ACC – аккузатив; ADR – адрессив; ADV – адвербиальная форма; ATR – атрибутивная форма; AUX – вспомогательный глагол; AUX.M – вспомогательный глагол подготовительного действия *miru*; BEN – бенефактив; CNV – деепричастие; COP – связка; COND – условная форма; DAT – датив; DEB – дебитив; DSD – дезиратив; IMP – императив; GEN – генетив; HON – гоноратив; INS – инструменталис; NEG – отрицание; NML – субстантиватор; NOM – номинатив; POT – потенциалис; PST – прошедшее время; PRM – презумптив; PRS – настояще-будущее время; PRG – прогрессив; PRT – частица; Q – вопросительная частица; QUOT – цитационный союз; TOP – топик; TEMP – временной союз; VVB – вербализатор.

дискурса и не рассматривает данные живой разговорной речи, этот пробел мы постараемся восполнить.

Третий подход к побудительным актам – описание побудительности в рамках противопоставления модусов *de dicto* и *de re* (буквально эти термины означают, соответственно, «о том, что сказано» и «о вещи», т.е. подчеркивают «говорение о сказанном кем-то (который говорил о явлении)» и «говорение непосредственно о явлении», разумеется, это имеет прямое отношение к цитированию). На материале японского языка этот подход разрабатывался в исследованиях Ф. Коулмас [Coulmas, 1985], Д. Осима [Oshima, 2006] и ряда других авторов. Для демонстрации разницы между этими двумя модусами обычно прибегают к следующему примеру:

(3) а. Парис сказал, что женится на самой красивой женщине в мире.

Если рассматривать (3) через интерпретацию *de dicto*, то высказывание можно понимать, например, так, что Парис сказал, что женится на любой женщине, отвечающей данной характеристике (красота). Изначальная фраза Париса могла быть следующей: женюсь на самой красивой женщине в мире. Во всяком случае, нарратор передает слова Париса, делает определенный акцент на его отношении к явлению. Интерпретация данного сложноподчиненного предложения с позиций *de re* предполагает несколько иное: Парис, скорее всего, сказал, что женится на какой-то конкретной женщине, которая является самой красивой в мире (т.е. здесь меньше оценки Париса, а больше факта, самого явления). Соответственно, исходные фразы могли быть, например, следующими:

(3) б. Женюсь на Елене Троянской,

с. Женюсь на жене Менелая.

Прямая цитация всегда имеет интерпретацию *de dicto*, косвенная же цитация может иметь как интерпретацию *de dicto*, так и *de re* [Oshima, 2006, p. 52]. Побудительные конструкции тоже могут интерпретироваться в формате *de dicto* и в формате *de re*.

Основываясь на противопоставлении *de dicto* / *de re* интерпретации, Д. Осима ставит под сомнение идею о том, что наличие директивного акта в составе цитаты может служить для однозначного отнесения цитаты к прямой речи. В частности, со ссылкой на Минегиси Кук [Minegishi Cook, 2018, p. 632], указывалось, что форма императива может зависеть от пола, социального статуса цитирующего, а не цитируемого лица. Подобные «смешанные» примеры приводит и Куно Сусуму [Kuno, 1988]. Рассмотрим один из них:

(4) Musume ga [sugu ki-te kure]
 дочь NOM сразу приходить-CNV AUX.BEN.IMP
 to denwa o kake-te ki-ta
 QUOT телефон ACC набрать-CNV AUX.DIR-PST
 ‘Дочь позвонила [мне] и сказала: «Приходи прямо сейчас»’

Куно Сусуму подчеркивает, что дочь никогда бы не использовала грубую форму *kite kure* по отношению к родителю, т.е. сохраняется оригинальный синтаксис императива, но используется этикетный формат речи, подходящий для внешнего оратора, а не цитируемого говорящего [Kuno, 1988].

На этот факт японской грамматики обращают внимание и другие авторы [Coulmas, 1985; Kadokura, 2000]. В нашей выборке также присутствуют подобные примеры. Мы обсудим их подробнее в следующих разделах. Д. Осима предлагает последовательно разграничивать семантику/прагматику цитаты в терминах противопоставления модусов *de dicto* и *de re* и синтаксический статус клаузы, в которой выражена цитата. С синтаксической точки зрения косвенная цитата должна удовлетворять критериям вложенной клаузы – по стандартным критериям порядка слов, ограничений на катафору, правил выбора грамматической формы вершинного предиката и др. С точки зрения Д. Осимы, появление формы императива в составе цитаты не обязательно приводит к тому, что она теряет синтаксические признаки вложенной клаузы. В дополнение к японским данным Д. Осима приводит данные амхарского языка (цитируя работу Шленкера [Schlenker, 2003, p. 69]), где императив допускается в составе вложенной клаузы [Oshima, 2006, p. 12].

Очевидно, что общим для трех рассмотренных нами подходов является разграничение языковых средств, для которых выражение побудительности является первичной функцией, и средств, которые приобретают побудительное значение лишь в определенных контекстных условиях. Наиболее подробно номенклатура средств выражения побудительности разработана в рамках Ленинградской типологической школы, поэтому в нашей работе мы будем опираться на методологию и терминологию, разработанную именно в рамках этого подхода.

2.2. Типичные средства выражения побудительности в японском языке

В рамках выбранного нами подхода Ленинградской типологической школы в современном японском языке средства выражения побудительности прежде всего можно разделить на прямые и не прямые. Прямые

средства побудительности используются лишь в функции побуждения – для выражения повеления, приказа, требования. Это известные нам императивы, семантика которых представляет собой категориальное значение особых форм [Бондарко, 1990б, с. 87]. Для не прямых побудительных конструкций функция побуждения не является единственной, сами конструкции имеют собственное значение, не связанное с побудительностью. Непрямые побудительные конструкции повествовательны по формальным признакам, но могут приобретать побудительное смысловое содержание [Бондарко, 1990а, с. 10; Бондарко, 1990б, с. 87].

Что касается собственно императивов как прямых побудительных форм, то их можно расклассифицировать по трем параметрам. Во-первых, данные формы могут быть синтетическими и аналитическими. Во-вторых, необходимо учитывать параметр полярности (положительные и отрицательные императивы). В-третьих, играет роль степень вежливости (выражение грамматических категорий вежливости, например, адрессива и гоноратива в составе императивной формы, а также императивных форм с участием бенефактивных вспомогательных глаголов). Рассмотрим эти параметры подробнее.

Для японского языка характерны синтетические (оканчиваются на *-e*, *-ro*, *-yo*, *-i*, *nasai*) и аналитические формы императива (*-kudasai*, *-kure* и т.д.) к деепричастию в форме на *-te* [Хронопуло, 2007, с. 31; Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 91]. Деепричастие в форме на *-te* в составе аналитических императивных конструкций может выполнять функцию императива и само по себе, без вспомогательных глаголов.

Императивы также бывают положительными и отрицательными. Последние представляют собой образование с помощью частицы *na* после глагола (*taberu na* ‘не ешь’), либо отрицательную форму деепричастия на *-te* (*nai-de*) со вспомогательным глаголом или без такового (*tabe-nai-de* ‘не ешь’) [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 93; Kishimoto, 2018, p. 313].

Различия между формами императива связаны и с относительным положением говорящего и адресата на шкале социального дейксиса: обращение к равному, стоящему выше или ниже, к своему или чужому требует разных форм этикетной вежливости [Хронопуло, 2007, с. 33; Алпатов, 2008, с. 127–129]. В японском языке степень этикетной вежливости грамматически выражается с помощью категорий адрессива и гоноратива. Адрессив используется для выражения этикетного отношения к собеседнику в сфере высший-свой, высший-чужой, равный-свой [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 141]; гоноратив выражает этикетное отношение к субъекту или объекту действия. Например, гоноратив глагола «делать» *nasaru* – ‘изволит делать’ подчеркивает отношение

к субъекту действия, показывает социальное отношение к этому лицу, *dogyooshin* ‘уважаемые родители’. Эти две формы вежливости в предложении могут использоваться как вместе, так и отдельно [Алпатов, 2008, с. 127–129; Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 159–160].

В контексте оценки степеней этикетной вежливости директивов уместно вспомнить другое исследование [Hill et al., 1986, p. 357–358]. В нем носителей японского языка просили оценить вежливость просьбы поднять ручку, выраженной с использованием разных директивных форм. В итоге авторы получили шкалу, где наиболее «грубыми» считаются синтетические императивы (оканчиваются на *-e*, *-ro*, *-yo*, *-te*, *-i*), затем идут более уместные в плане этикета аналитические формы (на *kudasai*). Как самые этикетно вежливые оценивались формы с императивом в виде вопроса (по типу – *te kuremasuka*). Уместность конкретных директивных форм изучалась и на примере текстов, взятых из речи школьных учителей [Falsgraf, Majors, 1995]. На материале аудио- и видеозаписей уроков в японских и американских школах исследовались случаи использования директивов в разных контекстах. Выяснилось, что учителя японского языка активно использовали прямые речевые директивные акты (представленные, в частности, «грубыми» формами императива). В то же время их англоязычные коллеги предпочитали косвенные директивные акты (представленные формами изъявительного наклонения, вопросами), также более «вежливые» формы императива. Более того, прямые акты в речи японских учителей не воспринимались учениками как грубые ввиду высокого положения учителей в японской социальной иерархии [Falsgraf, Majors, 1995, p. 17]. Авторы выявили следующие формы, используемые для выражения директивных актов: вопросы, вежливый императив (форма *-te kudasai*), суггестивы (другое название – гортатив, формы на *-mashoo*), пермиссивы (*-te ii desu*), нейтральный императив (форма на *-te*), декларативные команды (по типу ‘смотреть/смотрим сюда!’) [Falsgraf, Majors, 1995, p. 8–11]. В целом, косвенные речевые акты обычно воспринимаются как более вежливые [Hill et al., 1986, p. 347–351; Falsgraf, Majors, 1995, p. 13]. Для нас в этом исследовании интересен прежде всего выявленный авторами диапазон используемых форм для выражения директивных актов.

В целом в нашей работе встречаются не только императивы, но и конструкции, приобретающие императивное значение, т.е. не только прямые побудительные конструкции, но и не прямые, в которых неимперативные глагольные формы приобретают императивное значение в определенном контексте [Хронопуло, 2007, с. 142]. Например, дезидеративная конструкция с *-hoshii* может иметь значение

необходимости, желания, чтобы кто-то сделал что-то в составе косвенной просьбы [Nagot, 2018, p. 365].

Наша работа будет опираться на кратко описанную выше номенклатуру способов выражения императивности, выработанную в японистике и в общей лингвистике. Наша задача будет состоять в том, чтобы проверить, как известные типы побудительных конструкций функционируют в составе японских цитационных конструкций, причем в текстах конкретного дискурсивного жанра – интернет-дневниках (блогах).

3. Воплощение различных способов выражения директивности в японском языке в рамках заявленного материала

3.1. «Грубый» императив (-e/ro/o)

Данная форма обычно применяется для формулирования прямых требований, приказов [Чирионов, 2014]. Иногда эта форма может использоваться и для частных рекомендаций, при разрешении чего-то [Хронополо, 2007, с. 36–37]. Использование императивов такого типа считается нежелательным для женщин, от которых по нормам японского этикета ожидается более вежливая речь, чем от мужчин [Kuno, 1988; Хронополо, 2007, с. 33–34; Алпатов, Аркадьев, Подлеская, 2008, с. 93], а также нежелательным в некоторых ситуациях, требующих этикетной вежливости, например: а) при разговоре с лицом, которое выше говорящего по статусу, социальному положению; б) при общении с лицом, которое старше говорящего; в) в институциональных ситуациях (с клиентом, в магазине и т. д.) [Ide, 1982, p. 366–377]. Ясно, что «грубый» императив естественно отнести к прямым побудительным конструкциям.

В нашей выборке «грубый» императив в составе цитаты встречался в 17 примерах из 80, т.е. чаще других форм. Рассмотрим некоторые примеры использования этой формы.

- (5) ГТРО о wakimae-ro!」 (kono serifu wa otona
 время.и.место АСС учитывать-имр этот фраза тор взрослый
 ni nat-te kara haha kara kii-ta...)
 ДАТ стать-снв с тех пор мать от слышать-рст
 ‘«Учитывай время и место!» (об этой фразе [сказанной отцом
 в адрес матери] я услышала от мамы, когда стала взрослой).’
 (5.2.222²)

² Здесь и далее номера примеров из базы автора указаны после перевода примера. Индекс примера формируется так: 5 – номер блога, 2 – номер поста, 222 – номер строки в посте.

В данной цитате имеется глагол в форме грубого положительного императива (*wakimaero* ‘учитьвай’). Глагол используется для формулирования жесткого требования. Нарратор – женщина, говорящий – ее отец, фраза была обращена к ее матери. При этом нарратор не присутствовала при ее произнесении, а излагает услышанное от матери. Маловероятно, что нарратор или ее мать стали бы использовать грубую приказную форму императива, являющуюся культурно и социально нежелательной для женщины в Японии [Okamoto, 2004, p. 41–44]. Повидимому, мы имеем дело с реконструкцией нарратором оригинальной фразы говорящего: скорее всего, нарратор (и/или ее мать) не знала или не помнила точной фразы отца, поэтому воссоздала ее сама, используя те выражения, которые он бы, по ее мнению, применил (грубая форма императива).

Поскольку от каждого блога в анализе участвовало три поста, то была возможность проанализировать типичные грамматические формы, употребляемые автором, попытаться понять, имеются ли какие-либо систематические отличия цитат от авторского текста. На основе анализа трех постов данного нарратора можно отметить следующее:

1) нарратор записывает блог в простой форме (без суффикса адресива *-(i)mas-*, со связкой *da*), но в цитатах у нее встречается адресив (формы глагола с присоединением суффикса *-(i)mas-*, связки *desu*) при передаче речи третьих лиц;

2) при самоцитации в директивных актах автор использует формы на *-beki*, *-naku*, но ни разу не применяет «грубую» форму императива;

3) из всех директивных актов, встречающихся в этих трех постах, лишь пример (5) имеет грубый императив;

4) все фразы, приписываемые говорящему из примера (5) (отцу нарратора), – в простых формах. Отсюда можно сделать вывод, что нарратор точно транслирует директив отца, т.е. речь идет о прямой цитации.

Рассмотрим еще один пример с императивами этого типа:

(6) *Omae to shiria-u maе kara no*
 Ты с знакомиться-PRS до с GEN
tsukiai na n da zo. Omae ga
 знакомство ATR NML COP.PRS PRT ты NOM
kanojo ni nat-ta kara tte, enkir-e
 девушка DAT стать-PST с QUOT разорвать.связи-IMP
tte i-u no ka?」
 QUOT говорить-PRS NML Q
 ‘[Он сказал:] «Это [те, с кем я имел] знакомство еще до встречи с тобой. Ты скажешь мне “Порви [с ними]”, потому что стала моей девушкой?»’ (6.2.87)

В примере (6) можно наблюдать «грубый» положительный императив (*enkire* ‘разорви связь’). Это пример прямого директивного акта (жесткое требование).

Говорящий – мужчина, находящийся в отношениях с нарратором (женщиной). В данном примере без авторской ремарки мы наблюдаем внешнюю и внутреннюю цитацию. Внешняя цитата – вся фраза говорящего (мужчины), транслируемая нарратором (женщиной). При этом внешняя цитата – скорее, прямая, что можно доказать следующим. 1. Наличие грубой формы императива. Маловероятно, что форма была использована нарратором-женщиной (на протяжении трех постов автор применяет и простые, и адрессивные формы, но в его фразах отсутствуют «грубые» формы императива). Говорящий же использует множество директивных актов, из которых большинство в «грубой» или простой форме императива (адрессивы и гоноративы в его речи отсутствуют). Потому, скорее всего, говорящий изменил реконструируемую вежливую фразу нарратора (например, *en [o] kitte (kudasai)* ‘разорви связь’ – вежливый императив, см. разд. 3.4) в своей цитате. 2. Наличие местоимения *omae* ‘ты’ (грубое местоимение, преимущественно употребляемое мужчинами по отношению к низшим по рангу в семье [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 484], которое говорящий постоянно применяет по отношению к нарратору в трех постах ее блога). 3. Использование частицы *zo* (грубая частица, используемая в мужской речи [Там же, с. 465]) для подчеркивания своей позиции.

Фраза с грубым императивом *Omae ga kanojo ni natta kara tte, enkire tte iu no ka?* (‘Ты скажешь мне «Порви [с ними]», потому что стала моей девушкой?’) относится к внутренней цитате, в которой говорящий (мужчина) становится нарратором и передает слова нарратора внешней цитаты (женщины). Эта цитация – скорее, косвенная, потому что, как уже упоминалось в пункте 1, нарратор внешней цитаты вряд ли бы использовала в своей изначальной фразе «грубую» форму императива. Также нарратор внешней цитаты использовала бы местоимение первого лица в изначальной цитате (например, *watashi ga kanojo ni natta kara...* ‘потому что я стала твоей девушкой...’), а не местоимение второго лица *omae* ‘ты’. Отсюда можно сделать вывод, что пример (6) имеет внешнюю и внутреннюю цитацию, при этом внешняя цитация – прямая, а внутренняя – косвенная.

В целом, «грубый» императив в данной выборке использовался, главным образом, при цитировании мужской речи в прямой цитации. Однако эта форма императива встречалась и при цитировании мужчинами-нарраторами женщин-говорящих: как видно из примера (5), в таких

случаях происходит прагматический сдвиг в сторону косвенной речи при сохранении формы императива в составе цитаты. В случаях подобного рода мы получаем цитационную конструкцию, которая требует многофакторного подхода: часть признаков (наличие императива) является симптомом прямой цитации, а другая (выбор формы вежливости императива не с позиций внутреннего говорящего, а с позиций нарратора) – симптомом косвенной цитации.

3.2. Императив на *-te*

Как уже говорилось выше, данная форма императива образуется прибавлением показателя *-te* к основе глагола, при этом формально совпадая с конвербом на *-te* (*tabe-te* ‘есть’) [Kishimoto, 2018, p. 313–314]. Она является разговорной, используется при обращении к лицам равным или более низким по статусу. Эта форма чаще встречается в женской речи [Алпатов, Аркадьев, Подлеская, 2008, с. 96]. В речи детей эта деепричастная форма используется и по отношению к другим детям и к взрослым [Хронопуло, 2007, с. 39]. Побудительную форму с *-te* также можно отнести к прямым побудительным формам. В нашей выборке эти формы встречались в 16 из 80 примеров.

Рассмотрим их подробнее.

- (7) $\begin{matrix} \text{Г} & \text{Anata} & \text{to} & \text{korakko} & & \text{futari} & \text{de} & \text{jikka} \\ & \text{ты} & & \text{с} & \text{детеньш.выдра} & \text{вдвоем} & \text{INS} & \text{родной.дом} \\ & \text{вернуться-CNV} & \text{age-te.} & & \text{Watashi} & \text{wa} & \text{mat-te-ru.} \\ & \text{kaet-te} & & \text{AUX.BEN-CNV} & \text{я} & \text{TOP} & \text{ждать-CNV-AUX.PRG.PRS} \\ & \text{‘[Я сказала:]} & \text{«Езжайте} & \text{домой} & \text{[к твоим} & \text{родителям]} & \text{вдвоем} \\ & & \text{с Детеньшем} & \text{выдры. Я} & \text{буду} & \text{вас} & \text{ждать»} \end{matrix}$.’ (3.2.92)

В примере (7) имеется конструкция с императивом на *-te* (*kaette agete* букв. ‘возвращайтесь’), которую можно отнести к прямому речевому акту указания. В данном примере говорящая (женщина), являющаяся в то же время нарратором, применяет эту форму императива для побуждения мужа, что является приемлемым для женщины по нормам японского этикета. Интересно, что во всех случаях самоцитирования в трех постах нарратор использует именно форму на *-te* в своих директивных актах (при этом она практически не применяет адресивы). Таким образом, при общении с равными по статусу родственниками нарратор предпочитает использовать деепричастные формы на *-te* в директивных актах и неадресивные простые формы в целом. В цитате присутствует и вспомогательный бенефактивный глагол *ageru*, букв. ‘давать’. Так как в (7) говорящая (жена) обращается к адресату (своему мужу) для совершения действия в интересах третьих лиц (его родителей), то по правилам

употребления бенефактивов выбор этого вспомогательного глагола оправдан тем, что бенефициант и субъект действия являются «своими» друг для друга. Потому использование бенефактивного глагола *ageru* в цитате также говорит в пользу прямой речи.

Кроме того, нарратор использует местоимение *anata* ‘вы’ (часто употребляется женщинами в общении с мужем [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 480], в то время как ее муж на протяжении нескольких постов использует местоимение *kimi* ‘ты’ в цитатах при обращении к нарратору. Таким образом, наличие *anata* можно считать еще одним аргументом в пользу трактовки данной цитаты как прямой.

(8) Soshite Ҁsenaka, tonton shi-te] tte
 потом спина звук. стука VRB-CNV QUOT
 ‘Потом [он сказал]: «Постучи мне по спине».’ (6.2.118)

В примере (8) деепричастие на *-te* в императивной функции (*tonton shite* ‘постучи по спине’), которая выражает прямую просьбу.

Здесь нарратор (женщина) приводит слова говорящего (мужчины), с которым встречается. При этом в других примерах цитации говорящего в трех постах одного блога преимущественно используется «грубый» императив на *-ro*. Однако из этого не следует, что нарратор поменяла изначальную форму, используемую говорящим, т.е. последний мог в оригинале использовать стилистически различные формы императива. Таким образом, в примере (8) форма императива сама по себе не дает однозначных указаний на то, прямая это речь или косвенная. И в целом по выборке и в мужской, и в женской речи императив на *-te* чаще всего не может служить однозначным признаком прямой или косвенной цитаты.

3.3. Императив на *-te kudasai*

Еще одним способом выражения побудительности является форма на *-te* со вспомогательным глаголом *kudasai* (по типу *tabete kudasai* ‘пожалуйста, ешьте’). Она относится к аналитическим императивным формам [Хронопуло, 2007, с. 43]. Эта форма считается нейтрально-вежливой, используется для обращения к равному или стоящему выше в иерархии лицу [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 389]. Данная форма является формой прямой побудительности. В выборке в составе цитаты она встречается пять раз.

(9) 40-sai no otto kara irai ga ari-mashi-ta. 「Tantei-san, 40-летний GEN муж от заказ NOM есть-ADR-PST детектив-NON kondo no suiyoobi no yoru, tsuma o oikake-te этот. раз GEN среда GEN ночь жена ACC следить-CNV kudasai. Saikin, maishuu no yooni suiyoobi AUX.IMP последнее. время каждая. неделя GEN словно среда no yoru ni gaishutsu su-ru n de-su...」 GEN ночь DAT выход делать-PRS NML COP.ADR-PRS 「[Я] получил заказ от 40-летнего мужчины: «Господин детектив, проследите за моей женой в ночь на эту среду... В последнее время она будто каждую ночь среды уходит...».」 (4.1.39)

В (9) есть директив в форме *-te kudasai* (*oikakete kudasai* ‘пожалуйста, проследите’), используемый для прямого речевого акта нейтрально-вежливой просьбы. В данном примере нарратор (мужчина) цитирует фразу своего клиента-говорящего (мужчины). Нарратор и говорящий находятся в отношениях «исполнитель–клиент», во всех других примерах в этом блоге используются адрессивные формы. Данный пример, видимо, можно отнести к прямой цитации, для этого есть следующие основания. 1. Присутствует дейксис времени *kondo no suiyoobi* ‘эта среда’. При этом в момент трансляции цитаты со времени общения с клиентом прошло много времени, потому очевидно, что словосочетание *kondo no suiyoobi* ориентировано на момент осуществления оригинального речевого события. 2. Говорящий использует слово *tsuma* ‘жена’ для обозначения своей жены. При этом нарратор использует более вежливое обозначение *okusan* ‘супруга’ во всех случаях, когда упоминает жену говорящего.

В целом, форма *-te kudasai* в данной выборке используется для вежливых просьб в ситуации «клиент–исполнитель» как мужчинами, так и женщинами.

3.4. Положительная форма императива на *nasai*

Вспомогательный глагол *nasai* присоединяется к деепричастиям на *-i*. При этом если деепричастие не имеет префикса *o-*, то является разговорным вариантом императива (например, *yomi nasai* ‘читай’), приемлемым и для мужчин, и для женщин. Если же *nasai* присоединяется к деепричастиям с префиксом *o-* (*oyomi nasai* ‘читайте’), то форма является более вежливой, допустимой при общении с лицами, равными по статусу [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 386]. В отличие от формы

с *kudasai*, рассмотренной выше, форма с *nasai* связана скорее с приказанием или рекомендацией, а не просьбой [Хронопуро, 2007, с. 43]. Форма с *nasai* относится к прямым побудительным формам. В нашей выборке директивные акты с *nasai* встречаются в составе цитаты 3 раза из 80. Рассмотрим один из таких случаев:

- (10) *Otto wa otoko ni ʔchanto hanashi nasai o-kusan*
 муж TOP мужчина DAT полностью говорить AUX.IMP NON-жена
ni i-u zo! toyuu shinken deshi-ta...
 DAT говорить-PRS PRT QUOT серьезный COP.ADR-POST
 ‘Муж был серьезен с женщиной: «Рассказывай все, [а то я] скажу
 твоей жене...».’ (4.1.101)

В примере (10) встречается директивная конструкция с *nasai* (*hanashi nasai* ‘рассказывай’) в прямом речевом акте требования. Нарратор (мужчина), работающий частным детективом, цитирует слова своего клиента (говорящий – тоже мужчина), который, в свою очередь, пересказывает беседу со своим знакомым. На наш взгляд, здесь идет речь о прямой цитации на основании следующего. Во-первых, императив с *nasai*, как уже упоминалось, разговорный. Так что маловероятно, что нарратор бы использовал *nasai* в ситуации формального общения «клиент–исполнитель» (скорее, была бы использована форма с *kudasai*). Стоит также отметить, что в случаях общения с клиентами (на основе трех постов) при самоцитации данный нарратор использует исключительно адресивные конструкции. Говорящий тоже использует адресивные конструкции при общении с нарратором (но простые при общении с другими своими знакомыми). Кроме того, грубая модально-экспрессивная частица *zo* маловероятна в общении с незнакомым человеком. Наконец, в самой авторской ремарке – адресив (заклЮчительная связка *deshita*). Таким образом, наиболее вероятно, что нарратор передал слова клиента буквально: перед нами, видимо, прямая цитата.

В целом, форма на *nasai* встречается в ситуациях неформального общения при побудительных конструкциях, связанных с просьбой, требованием. В нашей выборке все встретившиеся употребления оказались в составе прямой цитаты.

3.5. Директивные формы на *-nakucha*, *-nakereba*, *-nakutewa*

Побудительные формы на *-nakucha*, *-nakereba*, *-nakutewa* используются для обозначения долженствования и общего требования. Представленные в нашей выборке конструкции являются разговорными вариантами (стяжениями) конструкций *-nakutewa ikenai*, *-nakereba naranai*. При формировании полных форм таких директивов вспомогательные глаголы *naru* ‘стать’, *iku* ‘идти’ присоединяются к отрицательным

формам глагола (например, *yomanakereba naranai* ‘нужно читать’, букв. ‘не читая, не получится’) [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 396]. Эти формы в своем основном значении долженствования обычно используются говорящим по отношению к собственным действиям, но в функции непрямой побудительности используются для выражения требований к другим. Часто этими другими выступают лица младшего возраста или более низкого социального положения [Хронопуло, 2007, с. 138–139]. Представленные в нашей выборке конструкции являются разговорными вариантами (стяжениями) конструкций *-nakutewa ikenai*, *-nakereba naranai*. Интересно, что в составе цитаты, при обращении к самому себе, значение долженствования сдвигается к значению требования, обращенного говорящим к себе. В нашей выборке девять таких примеров.

- (11) *Naaha wa «chichioya no yakuwari mo shi-nakutewa!!» to*
 мать TOP отец GEN роль тоже делать-IMP QUOT
omo-tte i-ta rashi-ku tonikaku kibishi-katta.
 думать-CNV AUX.PRG-PST похожий-ADV в.общем жесткая-PST
 ‘Мама тоже, похоже, думала: «<мне> нужно выполнять
 и отцовские обязанности!!», в общем, была жесткой.’ (5.2.184)

В (11) представлено выражение долженствования *nakutewa* (*shinakutewa* ‘нужно делать’, букв. ‘нельзя не делать’) в значении общего требования (косвенный речевой акт).

Здесь нарратор (женщина) приводит предположительные слова говорящего (своей матери), в которых та (мать) требует от самой себя исполнять обязанности отца. Хотя перед нами и не реальная цитата, а реконструкция предположительных слов говорящего, она построена как реальная цитата с выражением требования человека к самому себе. При этом отсутствуют лексико-грамматические маркеры, указывающие на то, является ли цитата прямой или косвенной (в цитате нет личного дейксиса, нарратор использует простые формы на протяжении всех трех постов своего блога). Вместе с тем наличие восклицательного знака и кавычек можно считать маркированным способом обозначения прямой речи: знаки препинания являются в японском языке опциональными.

- (12) *Futsuu, danna no kasegi ga waru-ku nar-u to*
 обычно муж GEN заработок NOM плохой-ADV стать-PRS COND
 「*watashi ga kasega-nakucha!*」 *to nar-u.*
 я NOM заработать-IMP QUOT стать-PRS
 ‘Обычно, если заработок мужа становится хуже, то получается
 так: «Я должна заработать сама».’ (2.3.51)

В (12) представлена конструкция с *-nakucha* (*kasaganakucha* ‘нужно заработать’, букв. ‘нельзя не зарабатывать’). Это косвенная побудительная конструкция, используемая для выражения общего требования говорящего к себе, нарратор (мужчина) цитирует слова своей клиентки (женщины).

Эту цитацию можно отнести к прямой ввиду следующих фактов. 1. В цитате личный дейксис выражен местоимением первого лица *watashi* ‘я’ (если бы цитация была косвенной, то в цитате использовалось бы местоимение третьего лица, например, *kanojo* ‘она’). Во-вторых, в ситуации «клиент–консультант» сам нарратор вряд ли стал бы использовать эту разговорную форму для формального общения, поскольку в японском языке в такого рода ситуациях принято использовать вежливые формы [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008, с. 140–142, 152; Minegishi Cook, 2018, p. 629].

Таким образом, конструкции с *-nakucha*, *-nakereba*, *-nakutewa* в данной выборке используются для требования говорящего к самому себе в неформальной ситуации. Примечательно, что говорящие во фразах из всех примеров – женщины. При этом два примера имели маркеры прямой речи и помимо императива.

4. Заключение

В работе были поставлены задачи изучения особенностей передачи директивных актов в японском языке в составе цитаты на материале блогов, а также задачи изучения взаимосвязи определенной грамматической формы предиката в составе директивных актов с прямым или косвенным характером цитации.

Анализ показывает, что обнаружение специализированных маркеров обозначения косвенной речи зачастую невозможно. Рассмотренные конструкции, формы императива могут опосредованно свидетельствовать о прямом характере цитаты, часто – лишь в соединении с дополнительными маркерами, например, личными местоимениями. (Допустим, «грубый» императив в словах говорящего-мужчины при нарраторе-женщине может быть маркером прямой цитации, особенно если подкрепляется другими маркерами – личным дейксисом, общим уровнем вежливости/грубости фразы и т.д.) Бывают случаи, когда императив сдвигает речь, наоборот, в сторону косвенной цитации (например, «грубый» императив в цитате, когда нарратор – мужчина, а говорящий – женщина и т.д.), что, в свою очередь, поднимает важный теоретический вопрос, а именно – является ли запрет на использование императива в косвенной цитации абсолютным. Лишь полный анализ как самой цитаты, так

и по возможности контекста позволит получить более точную картину, в которой будут учтены все возможные признаки, причем эти признаки могут быть не согласованы друг с другом: некоторые из них (например, наличие императива) могут говорить о том, что цитата прямая, тогда как другие (например, грубая форма императива в цитируемой речи женщины) – о том, что цитата косвенная.

Мы последовательно рассмотрели встретившиеся в нашей выборке прямые средства выражения побудительности в составе цитаты: «грубый» императив (на *-e/ro/o*), формы императива с *-te* (со вспомогательным глаголом *kudasai* или без такового), форма императива с *nasai*, формы на *-nakucha*, *-nakereba*, *-nakutewa*. Каждое из вышеперечисленных средств выражения побудительности имеет свои уникальные черты, средства различаются по степени вежливости и сфере употребления, что влияет на оттенки, поддающиеся анализу, в разговорном дискурсе, связанном с блогами. Во всяком случае, в разговорном дискурсе более заметен факт своеобразной неразличимости прямой и косвенной цитации через формальные средства.

Вообще, вопросы цитации, различения прямой и косвенной речи, особенно в живом дискурсе – актуальная проблема современной лингвистики, которую, в рамках широких кросс-культурных исследований, только начали решать [Evans, 2013]. Дело в том, что в русской, европейской, западной научной лингвистической литературе закономерно принято в общем разделять две стратегии цитирования – прямую и косвенную с соответствующим синтаксическим оформлением паратактического соединения клауз и подчиненного. Очевидно, в какой-то степени это отражает законы логики, т.е. имеет отношение к языковым универсалиям. Однако информатизация, глобализация, «эпоха контактов», опирающаяся на технические возможности, позволяет в конечном счете анализировать большую массу языков, демонстрирующих более сложные отношения между клаузой говорящего и клаузой нарратора – как в отношении чисто синтаксического конструирования фразы, так в отношениях, которые можно рассматривать отдельно (например, особенностей употребления местоимений, в том числе логофорических [Nikitina, Bugaeva, 2021]).

Анализируя подобные соотношения – что, закономерно, актуальнее делать по возможности на материале разговорных дискурсов – следует учитывать и возможность нарушения нормы, что вполне возможно в эпоху немалых культурных проблем в связи с особенными синтаксическими, лингвистическими построениями цитации (о необходимости рассмотрения таких построений в качестве особой сферы, особого типа языковых конструкций говорят исследователи [Spronck, Nikitina, 2019]).

При этом следует констатировать, что в языках более традиционных обществ, например, африканских, возможности нарушения норм, языковых норм, видимо, меньше, отсюда – достаточно большое доверие по отношению к распространяющимся исследованиям именно таких языков, дающих весьма своеобразный материал, в том числе в аспекте поднятой нами темы [Nikitina, Vydrina, 2020; Nikitina, Bugaeva, 2021]. Такие языки, однако, могут отличаться большим диалектным разнообразием, меньшей «упорядоченностью», большей «наивностью» носителей, влияющей на «четкость», сформированность синтаксиса, его способность сложно выражать языковые универсалии, связанные с логикой высказывания, это все тоже следует учитывать.

Что касается японского языка, японской культуры, то здесь, при всем высоком уровне развития по самым разным параметрам, следует говорить и о высокой степени традиционности, что также должно определять немалую степень доверия к исследованиям проблемы цитирования, соотнесения прямого и косвенного в связи с директивными актами на материале японского языка. (В любом случае, если учитывать уровень культуры речи, следует конкретнее, системнее учитывать социальный статус говорящего и нарратора, их возраст, профессию и т.д.) Важно то, что японский язык – особенный язык в плане происхождения, его родство с иными языками просматривается весьма ограниченно, отсюда вытекает особенная важность его исследования в плане возможностей выражения языковых универсалий, вариантов представления прямого-косвенного в рамках цитирования, в том числе в аспекте сложно организованной в японском языке директивности. Все это влияет и на семантическую, смысловую интерпретацию при переводе в эпоху активного контакта культур.

Библиографический список / References

Алпатов, 2008 – Алпатов В.М. Япония: язык и культура. М., 2008. [Alpatov V.M. Yaponiya: yazyk i kultura [Language and culture]. Moscow, 2008.]

Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008 – Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. М., 2008. [Alpatov V.M., Arkadev P.M., Podlesskaya V.I. Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [Theoretical grammar of the Japanese language]. Vol. 1. Moscow, 2008.]

Бирюлин, 1992 – Бирюлин Л.А. Семантика и прагматика императива. Хельсинки, 1992. [Biryulin L.A. Semantika i pragmatika imperativa [Semantics and pragmatics of the imperative]. Helsinki, 1992.]

Бирюлин, Храковский, 1992 – Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций /

Отв. ред. В.С. Храковский. СПб., 1992. С. 5–50. [Biryulin L.A., Khrakovskii V.S. Imperative sentences: Problems of theory. *Tipologiya imperativnykh konstruktii*. V.S. Khrakovskii (ed.). St. Petersburg, 1992. Pp. 5–50. (In Rus.)]

Бондарко, 1990а – Бондарко А.В. Типы темпоральных отношений // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: Коллективная монография / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1990. С. 10–31. [Bondarko A.V. Types of temporal relations. *Teoriya funktsionalnoi grammatiki. Temporalnost. Modalnost*. A.V. Bondarko (ed.). St. Petersburg, 1990. Pp. 10–31. (In Rus.)]

Бондарко, 1990б – Бондарко А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность: Коллективная монография / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1990. С. 80–89. [Bondarko A.V. On the analysis of categorical situations in the sphere of modality: Imperative situations. *Teoriya funktsionalnoi grammatiki. Temporalnost. Modalnost*. A.V. Bondarko (ed.). St. Petersburg, 1990. Pp. 80–89. (In Rus.)]

Кобозева, 1986 – Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 17. С. 7–21. [Kobozeva I.M. The Theory of Speech Acts as one of the variants of the Theory of Speech Activity. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. 1986. No. 17. Pp. 7–21. (In Rus.)]

Серль, 1986 – Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 17. С. 195–222. [Searle J.R. Indirect speech acts. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. 1986. No. 17. Pp. 195–222. (In Rus.)]

Храковский, Володин, 1986 – Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986. [Khrakovskii V.S., Volodin A.P. *Semantika i tipologiya imperativa: Russkii imperativ* [Semantics and typology of the imperative: Russian imperative]. Leningrad, 1986.]

Хронопуло, 2007 – Хронопуло Л.Ю. Императивная семантика и средства ее выражения в современном японском языке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. [Khronopulo L.Yu. *Imperativnaya semantika i sredstva ee vyrazheniya v sovremennom yaponskom yazyke* [Imperative semantics and means of its expression in Modern Japanese]. PhD dis. St. Petersburg, 2007.]

Чионов, 2014 – Чионов С.В. Японские иллокутивные глаголы в речном употреблении: перспективы исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5. Ч. 1. С. 197–205. [Chironov S.V. Japanese illocutionary verbs in stage use: Research perspectives. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. No. 5. P. 1. Pp. 197–205. (In Rus.)]

Evans, 2013 – Evans N. Some problems in the typology of quotation: A canonical approach. *Canonical Morphology and Syntax*. Oxford, 2013. Pp. 66–98.

Minegishi Cook, 2018 – Cook Minegishi H. Speech style shift. *The Cambridge Handbook of Japanese Linguistics*. Cambridge, 2018. Pp. 628–648.

Coulmas, 1985 – Coulmas F. Direct and indirect speech: General problems and problems of Japanese. *Journal of Pragmatics*. 1985. No. 9. Pp. 41–63.

Ide, 1982 – Ide S. Japanese sociolinguistics: Politeness and Women's language. *Lingua*. 1982. No. 57. Pp. 357–385.

Falsgraf, Majors, 1995 – Falsgraf C., Majors D. Implicit culture in Japanese immersion classroom discourse. *Journal of the Association of Teachers of Japanese*. 1995. No. 29 (2). Pp. 1–21.

Hill et al., 1986 – Hill B., Ide S., Ikuta S. et al. Universals of linguistic politeness: Quantitative evidence from Japanese and American English. *Journal of Pragmatics*. 1986. No. 10. Pp. 347–371.

Kadokura, 2000 – Kadokura M. Reflection about citation in Japanese. *Iokokhama kokuritsu daigaku dzookhoo ripodzitori*. 2000. No. 7. Pp. 60–73. (In Japanese)

Kishimoto, 2018 – Kishimoto H. Negation. *The Cambridge Handbook of Japanese Linguistics*. Cambridge, 2018. Pp. 300–331.

Kuno, 1988 – Kuno S. Blended quasi-direct discourse. *Japanese syntax*. Stanford, 1988. Pp. 75–102.

Narrog, 2018 – Narrog H. Modality. *The Cambridge Handbook of Japanese Linguistics*. Cambridge, 2018. Pp. 357–378.

Nikitina, Bugaeva, 2021 – Nikitina T., Bugaeva A. Logophoric speech is not indirect: Towards a syntactic approach to reported speech constructions. *Linguistics*. 2021. No. 3. Pp. 609–633.

Nikitina, Vydrina, 2020 – Nikitina T., Vydrina A. Reported speech in Kakabe: Loose syntax with flexible indexicality. *Folia Linguistica*. 2020. No. 54 (1). Pp. 133–166.

Oshima, 2006 – Oshima D.Y. Perspectives in reported discourse. PhD thesis. Stanford. 2006.

Okamoto, 2004 – Okamoto S. Ideology in linguistic practice and analysis: Gender and politeness revisited. *Japanese Language, Gender and Ideology*. Oxford, 2004. Pp. 38–56.

Schlenker, 2003 – Schlenker P. A Plea for monsters. *Linguistics and Philosophy*. 2003. No. 26. Pp. 29–120.

Spronck, Nikitina, 2019 – Spronck S., Nikitina, T. Reported speech forms a dedicated syntactic domain. *Linguistic Typology*. 2019. No. 23 (1). Pp. 119–159.

Статья поступила в редакцию 03.03.2023

The article was received on 03.03.2023

Сведения об авторе / About the author

Ермишина Екатерина Сергеевна – преподаватель кафедры восточных языков Института лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Ekaterina S. Ermishina – lecturer at the Department of Oriental Languages of the Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7053-5527>

E-mail: kyermishina@mail.ru